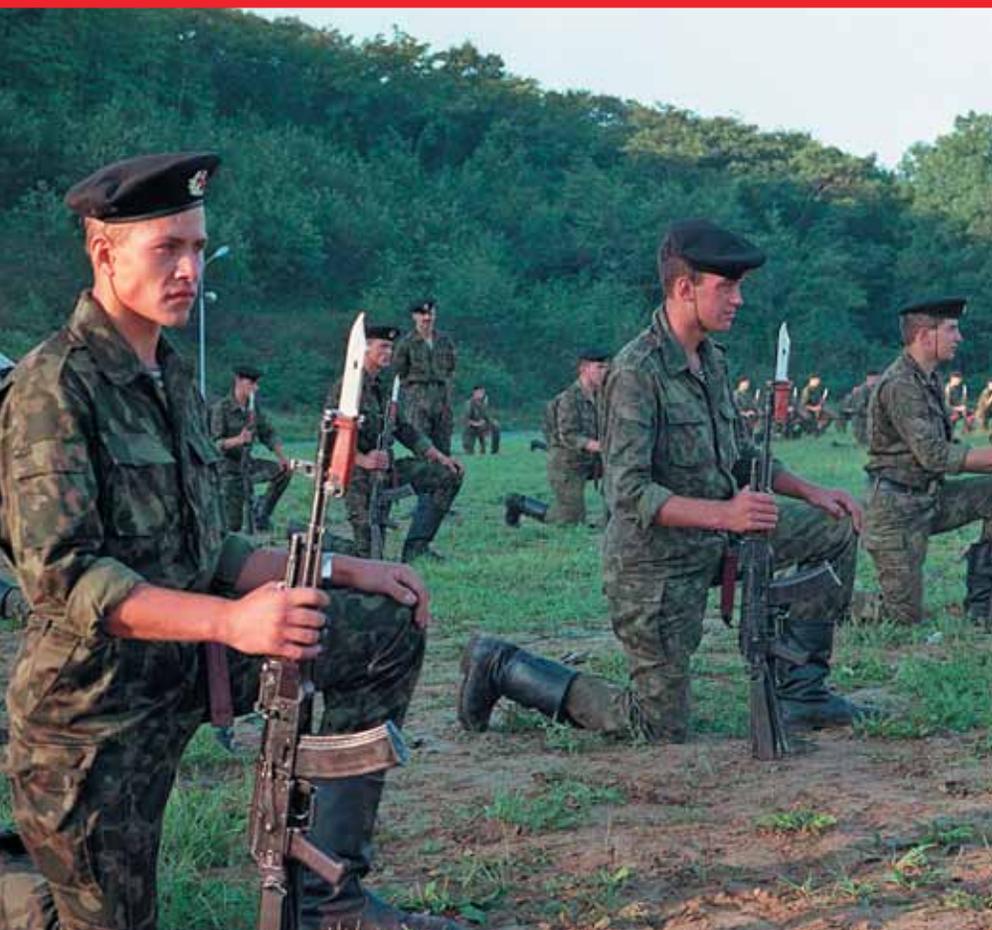

Концепция «сетевцентрической» войны для армии России: «множитель силы» или ментальная ловушка?

Способы боевых действий определяются в большей степени характеристиками вооружения и военной техники, чем достижениями в военном искусстве.

NY

Ковалев Виктор Иванович — заместитель научного руководителя Центра проблем стратегических ядерных сил АВН, кандидат технических наук.

Малинецкий Георгий Геннадьевич — заведующий отделом Института прикладной математики им. М.В. Келдыша РАН, доктор физико-математических наук, профессор.

Матвиенко Юрий Андреевич — руководитель направления Центра проблем стратегических ядерных сил АВН, кандидат технических наук, старший научный сотрудник.

В последнее время при обсуждении характера войн будущего и способов их ведения в работах российских авторов довольно часто употребляются такие понятия, как «сетевцентричная», «сетевцентрическая», «сетевая» война, «сетевцентрические боевые действия», «сетевцентрические операции», «сетевцентрическое противодействие», «сетевцентрирование», «универсальные сетевцентрические средства» и т.д. и т.п., вплоть до «оборонительного сетевцентризма». При этом авторы порой вкладывают в эти понятия довольно разные смыслы и значения [1–7]. Для того чтобы лучше разобраться во всех этих «сетевцентризмах», необходимо понять сущность концепции «сетевцентрической» войны, причины ее появления и изначальный смысл, вложенный в нее авторами. Ибо еще Конфуций говорил: «...если понять смысл слов, многое прояснится». Именно о смысле понятия «„сетевцентрическая“ война», возможности и целесообразности применения концепции «сетевцентрической» войны к Вооруженным Силам Российской Федерации и пойдет речь в статье.

Смещение «центра тяжести» в структуре вооруженных сил: от боевых платформ к телекоммуникационной сети

Самое первое, самое главное и самое важное в смысле последствий решение, которое должен принять государственный деятель и командир, — это определить тип войны, в которую он погружается...

Карл фон Клаузевиц, «О войне»

Как социальное и общественно-политическое явление война и в XXI в. никуда не ушла из жизни человечества; она не исчезает, не превращается в аномалию, а лишь трансформируется, утрачивая прежние и приобретая новые черты. Война по-прежнему остается для общества «отцом всего» (по Гераклиту), а для государства еще и «путем жизни и смерти» (по Сунь-Цзы).

За прошедшую историю война не изменила своего внутренне-го содержания: при всем многообразии теорий происхождения войны она была и осталась борьбой за смену и перераспределение социальных ролей в ходе развития общества. Война сохранила неизменной и свою сущность: выявление управляющей воли путем именно вооруженной борьбы. При этом задача противоборствующих сторон состоит «не в том, чтобы просто физически ликвидировать врага в ходе вооруженной борьбы, а в уничтожении противника именно как претендента на роль, которую хотим выполнять мы, в том, чтобы перевести его посредством вооруженной борьбы в другую роль, дополняющую или заменяющую свою» [8].

В то же время в ходе общественного прогресса формы и методы ведения войны претерпели немало изменений. Это обусловлено тем, что, по меткому замечанию британского военного теорети-

ка Кингстон-Макклори: «Самое сильное влияние на войну и на формы ее ведения оказывает процесс совершенствования оружия, как наступательного, так и оборонительного».

В исторической перспективе совершенствование и развитие вооружения шло в направлении от средств индивидуального поражения к средствам группового, а затем и массового поражения. Развитие же военной техники шло в направлении создания и совершенствования боевых платформ, коими по своей сути в древности являлись колесницы и боевые слоны, а нынче — танки, бронетранспортеры, самолеты, корабли, подводные лодки и ракетные комплексы разного типа. Даже современный боец, вооруженный стрелковым оружием с запасом патронов, подствольным гранатометом и ручными гранатами, имеющий средства наблюдения и связи для обмена информацией по сути также является боевой платформой с ограниченной огневой мощностью. Но для эффективного и рационального применения на поле боя современных боевых платформ необходимо было исключить дублирование целей, а также обеспечить получение точных целеуказаний в масштабе времени, близком к реальному.

В период холодной войны интенсивное развитие получили технические средства разведки, в первую очередь космической: спутники оптической, инфракрасной, радио- и радиотехнической разведки позволили вести непрерывное и всепогодное наблюдение за территорией противника, передавая разведданные в центры их обработки практически в реальном масштабе времени. Разного рода радиолокационные станции, в том числе наземные и воздушные станции дальнего радиолокационного обнаружения (ДРЛО) систем ПРО и ПВО, позволяли обнаруживать средства вооружения противника на больших

расстояниях, в том числе за горизонтом.

Между тем время от момента получения разведданных, их обработки, передачи органам управления для дальнейшего расчета и корректировки целеуказаний и до момента получения ударными средствами данных о целях было несопоставимо с ожидаемой динамикой боевых действий, как раз и обусловленной техническими возможностями нового вооружения и военной техники (ВВТ), в первую очередь скоростью перемещения в пространстве. Строго централизованный и иерархический путь прохождения развединформации о противнике практи-

Война по-прежнему остается для общества «отцом всего» (по Гераклиту), а для государства еще и «путем жизни и смерти».

чески сводит на нет потенциальные ударные возможности разного рода боевых платформ.

В итоге военные специалисты при решении задач управления войсками и оружием в новых условиях оперативной обстановки столкнулись с целым рядом проблем и противоречий, основными из которых являются следующие [9]:

- наличие неполной, а иногда и неточной информации о противнике и зачастую о своих войсках и необходимость немедленного принятия решения, которое бы обеспечивало выполнение поставленной задачи в кратчайшие сроки и с минимально допустимыми потерями;
- большие объемы получаемой и передаваемой информации на всех уровнях управления и низкая пропускная способность иерархических «стволовых» систем автоматизации управления и связи;
- необходимость жесткой централизации управления войсками и высокоточным оружием (ВТО)

(особенно ВТО большой дальности и разрушительной силы) и потребность в то же время предоставления подчиненным командирам наибольшей инициативы на местах (концепция «власть на край»);

- краткость формы приказа (боевого распоряжения) для его оперативного доведения до подчиненных сил; в приказе необходимо точно отразить всю сложность обстановки, ясно сформулировать боевые задачи;
- определение приоритетности в выборе целей, а также средств и способов их поражения.

Таким образом, качественные и количественные изменения вооружения и военной техники для ведения обычной войны, средств разведки и наблюдения за противником, совершенствование средств автоматизации управ-

родных АСУ войсками и оружием в единую систему управления и связи.

Успех в сражении уже должен был решаться не одним видом оружия: победа достигалась при слаженном взаимодействии всех видов и родов войск — флота, авиации, ракет средней и меньшей дальности, артиллерии, танков и пехоты [1, 6, 10–12]. Тем самым действие различных боевых платформ на поле боя давало своеобразный синергетический эффект.

Впервые идеи об объединении усилий средств разведки, автоматизации управления и огневого поражения для достижения поставленной цели были высказаны Маршалом Советского Союза Н.В. Огарковым в середине 1980-х

«сетевидный способ ведения войны» [4].

В статье под «сетевидной» войной (СЦВ) понимаются не новые специфические способы и формы ведения войны, а лишь способ интеграции технических средств разведки, автоматизации управления и огневого поражения посредством информационно-телекоммуникационных сетей связи и передачи данных в целях повышения эффективности ведения боя путем согласования и координации действий имеющихся сил и средств на основе единого информационного пространства [2, 6].

Сам термин «сетевидность» впервые появился в американской компьютерной индустрии и стал результатом прорыва в информационных технологиях, которые позволили организовать взаимодействие между компьютерами, несмотря на использование в них разных операционных систем. Позднее идея сетевидности была взята на вооружение специалистами армии США. По их представлениям, «концепция „сетевидной“ войны — это не только развертывание цифровых сетей с целью обеспечения как вертикальной, так и горизонтальной интеграции всех участников боевой операции. Это еще и изменение тактики действия перспективных формирований с рассредоточенными боевыми порядками, оптимизация способов разведывательной деятельности, упрощение процедур согласования и координации огневого поражения, а также некоторое нивелирование разграничения средств по звеньям управления» [3].

По своей сути «сетевидная» война — это ориентированная на достижение информационного превосходства концепция организации управления действиями группировок войск (сил), предусматривающая увеличение их боевой мощи за счет создания единой информационно-коммуна-

«Сетевидная» война может охватывать все уровни управления, а принципы ее ведения не зависят от географического региона, боевых задач, состава и структуры вооруженных сил.

ления, связи и передачи данных, бурное развитие информационных технологий на рубеже веков привели к осознанию необходимости изменения форм и методов управления вооруженной борьбой. При этом в ходе войн малой интенсивности и вооруженных конфликтов возникла необходимость рационального использования боевой мощи разного типа боевых платформ с обычным оружием, раскрытия всех их потенциальных возможностей. Наличие большого количества разнообразной информации о противнике и своих силах и средствах на разных уровнях также потребовало дальнейшего развития систем и средств сбора и хранения информации, ее анализа, оценки и моделирования развития обстановки, подготовки руководством вариантов решений. Кроме того, для эффективного управления имеющимися силами и средствами потребовалась интеграция имеющихся разно-

годов. Однако лишь в конце 1990-х годов идея объединения всех трех компонентов — средств разведки и наблюдения, боевых платформ, средств автоматизации управления и связи — в единую систему начала обретать конкретные очертания в вооруженных силах США [2, 3]. Ядром такой системы, новым «центром силы» стала телекоммуникационная сеть обмена данными, фактически образующая для потребителей единое информационное пространство, доступ к информации в котором регламентируется соответствующими полномочиями.

Таким образом, необходимость максимального использования возможностей всех имеющихся средств разведки и боевых платформ привела к переходу от «платформенной» модели управления войсками и оружием к «сетевидной», получившей в итоге наименование Network Centric Warfare (NCW) —

ционной сети, связывающей датчики (источники данных), лиц, принимающих решения, и исполнителей, что обеспечивает доведение до участников действий необходимой информации об обстановке, ускорение процесса управления силами и средствами, и повышение вследствие этого темпов операций и эффективности поражения противника [2]. Как говорил непобедимый генералиссимус русской армии А.В. Суворов: «Одна минута решает исход баталии, один час — успех кампании, один день — судьбы империй...» По мнению разработчиков концепции, «сетевая» способ ведения боевых действий позволяет также перейти от войны на истощение к более скоротечной и более эффективной форме ведения вооруженной борьбы, для которой характерны быстрота управления и принцип самосинхронизации, то есть способность военной структуры самоорганизовываться снизу, не дожидаясь указаний сверху [6].

В концептуально-теоретическом плане модель «сетевая» войны представляют как систему, состоящую из трех подсистем, имеющих структуру решетки: информационной подсистемы, сенсорной (разведывательной) подсистемы, боевой подсистемы (подсистемы отдельных тактических подразделений и боевого управления) [9].

Основой системы считается первая подсистема, на которую накладываются вторая и третья подсистемы. Элементами второй подсистемы являются силы и средства разведки, а третьей — средства поражения, боевая техника и личный состав отдельных тактических подразделений, объединенные органами управления и командования.

«Сетевая» война, по мнению авторов концепции, может охватывать все уровни управления, а принципы ее ведения не зависят от географиче-

ского региона, боевых задач, состава и структуры вооруженных сил. Сами же вооруженные силы в этом случае представляют собой разветвленную сеть хорошо информированных, но географически распределенных сил.

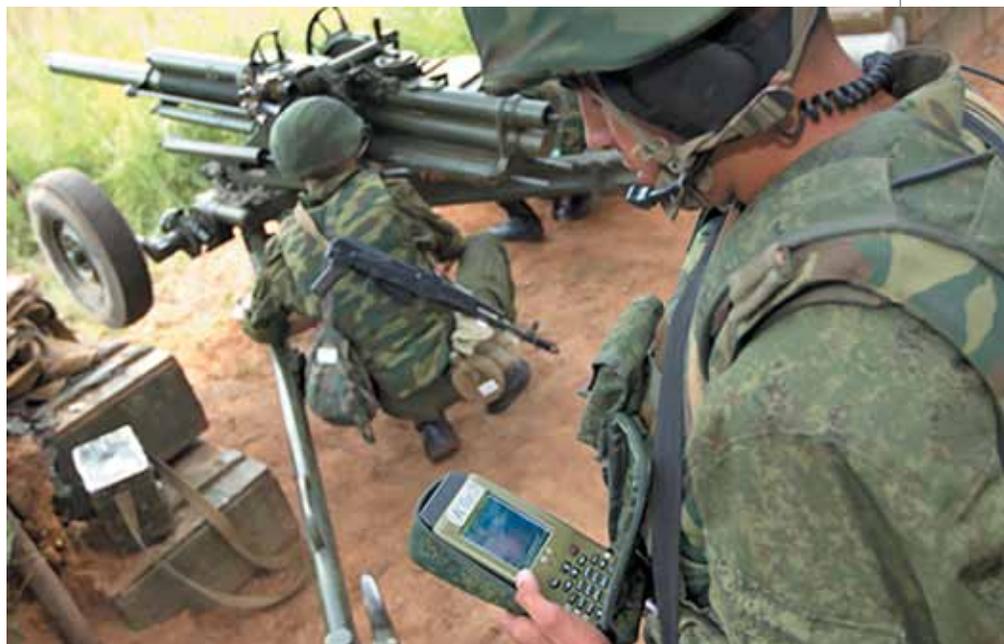
При применении концепции «сетевая» войны информация будет поступать не от отдельных «платформ» (боевой техники, групп и средств разведки, наблюдательных постов, вертолетов, авиации, космических аппаратов и др.), а из информационной сферы, тесно связанной с двумя другими сферами (физической и когнитивной), создающими вместе сферу «сетевая» войны. Поэтому в борьбе за информационное превосходство информационная сфера выступает в качестве «основополагающего плацдарма». «Скорость командования является процессом, при котором позиция информационного превосходства превращается в конкурентное преимущество» [3].

В качестве модели боевых действий, иллюстрирующей процесс достижения в ходе «сетевая» войны информационного превосходства над противником, за рубежом широко исполь-

зуют понятие «цикл управления». В последнее время в качестве такого цикла используется основной элемент теории, разработанной полковником ВВС США Джоном Бойдом и его последователями, — так называемая петля OODA: (Observe (наблюдай) — Orient (ориентируйся) — Decide (решай) — Act (действуй)) [13]. В русском переводе петля OODA, или цикл Бойда, соответственно имеет аббревиатуру НОРД (наблюдение — ориентация — решение — действие).

Указанная модель предполагает многократное повторение петли НОРД в процессе боевых действий, которые, как правило, развиваются по спирали и на каждом этапе этой спирали осуществляется взаимодействие с внешней средой и воздействие на противника. Модель обычно относят к разряду кибернетических, так как в ней реализуется принцип «обратной связи», в соответствии с которым часть выхода из системы снова подается на ее вход, чтобы уточнить, а если потребуется, то и скорректировать развитие системы на последующих этапах.

Ускорение процесса принятия решений в цикле управления

может привести к эффекту двух видов [13]:

- эффект первого вида по своей природе имеет чисто наступательный характер: вы можете просто начать осуществлять свой план первым и тем самым вызвать изменения в обстановке прежде, чем начнет действовать ваш противник. Преимущество первого удара находит свое воплощение в простой формуле, о которой практически никогда не забывают американские военные аналитики, — вы можете убить противника прежде, чем он начнет стрелять;

- эффект второго вида от ускорения собственного цикла НОРД носит оборонительный характер: человек или организация с преимуществом в скорости цикла действий способны в ряде случаев просто избежать поражающего или вредоносного воздействия со стороны противника. Другими словами, вы можете стать «несотрудничающей целью» (а non-cooperative target) путем создания несоответствия ожиданиям атакующего противника.

В то же время есть еще и третий путь — воздействуя на противника различными способами, искусственно замедлять его цикл управления. В этом случае вы также попадаете «внутри» цикла НОРД противника со всеми вытекающими для себя преимуществами.

Если с позиций модели боевых действий на основе циклов управления взглянуть на концепцию «сетевцентрической» войны, то станет понятно, почему потребовалось соединить между собой средства разведки, автоматизации управления и огневого поражения единой информационно-телекоммуникационной сетью: это обеспечивает увеличение темпа действий цикла НОРД за счет сокращения продолжительности этапов наблюдения и ориентации. Суммарная эффективность образуемой на основе установления связей «системы систем» (system of systems) определяется

фазами принятия решений и действий. Кроме того, из четырех этапов цикла НОРД три непосредственно связаны с обработкой информации и компьютерными технологиями. Четвертый этап (Action — действие) носит в целом «кинематический» характер и связан с перемещением в пространстве, защитой и поражением противника на основе огневой мощи.

В самом общем виде «сетевцентрическая» война предусматривает следующие четыре основные фазы ведения боевых действий [5].

1. Достижение информационного превосходства посредством опережающего уничтожения (вывода из строя, подавления) системы разведывательно-информационного обеспечения противника (сенсоров, сетевобразующих узлов, центров обработки информации и управления).
2. Завоевание превосходства (господства) в воздухе за счет подавления (уничтожения) системы ПВО противника на театре военных действий (ТВД).
3. Последовательное уничтожение (в англоязычных источниках так называемая цепь убийств —

kill chain) оставшихся без управления и информации средств поражения противника, в первую очередь ракетных комплексов, авиации, реактивной и ствольной артиллерии, бронетехники.

4. Окончательное подавление или уничтожение очагов сопротивления противника.

Собственно ведение боевых действий на основе «сетевцентрической» модели осуществляется следующим образом.

По результатам анализа и обобщения информации о противнике, полученной от различных средств разведки и предупреждения по каналам различной физической природы, а также информации о наличии и состоянии боеготовности своих средств поражения, органами управления в рамках их компетенции прини-

мается решение, обеспечивающее наиболее эффективное выполнение поставленных им задач путем рационального распределения имеющихся «боевых платформ» по обнаруженным целям. Данное решение оформляется в виде соответствующих приказов и распоряжений и доводится до подключенных к сети соответствующих

возможно поразить в рамках имеющихся боевых средств, информация об этом доводится по сети до вышестоящего органа управления, в распоряжении которого находится более мощная группировка «боевых платформ». И уже вышестоящий орган управления организует уничтожение такой цели.

Таким образом, концепция «сетевидной» войны предусматривает комплексное ведение боевых действий всеми видами и родами вооруженных сил на основе преимуществ, которые дает использование «единого информационно-коммуникационного пространства» в динамике боевых действий.

По сути, она является *не оперативной* концепцией (формой ведения военных действий объединенными силами), а *функциональной* (способом управления объединенными силами). Иначе говоря, при реализации «сетевидного» способа управления группировками войск, в отличие от «платформенного», боевые средства («платформы») и «центры управления» не исчезают, а лишь объединяются в интегрированную информационно-управляющую компьютерную систему, что позволяет им функционировать в синергетическом режиме и иметь много степеней свободы.

Как система взглядов на управление вооруженными силами и боевыми средствами в ходе вооруженной борьбы концепция «сетевидной» войны была включена в такую активно практикуемую в последнее время США и их союзниками для достижения своих интересов форму борьбы, как концепция нацеленности на конечный результат или эффект — Effects-Based Approach to joint Operations [9, 5, 6, 11, 12]. Данная концепция базируется на представлении противника как некой многоуровневой системы, модель которой для простоты изображается в виде ряда концентрических окружностей с нацио-

нальными лидерами в центре [3]. В модели, названной авторами «враг как система», вооруженные силы страны составляют внешнее, самое последнее кольцо, предназначенное для защиты всей системы от силового воздействия армии противника. При этом каждая такая окружность — это своеобразный центр тяжести (силы). Прочность «врага как системы» определяется уравниванием всех таких центров соответствующей государственной политикой. Оказывая различными способами давление не только на внешнее кольцо (армию), как это практиковалось ранее, но и на другие центры силы, можно заставить противника действовать именно так, как задумано, что в итоге приведет к нужному эффекту — его поражению.

Таким образом, «операция на основе эффектов» — это процесс, направленный на получение желаемых стратегических результатов, или воздействие, оказываемое на врага посредством синергетического, мультипликативного и кумулятивного применения полного спектра военных и невоенных возможностей на всех уровнях от тактического до стратегического [9].

Анализ концепции «сетевидной» войны показывает, что ее главное содержание лежит не в новых формах и способах ведения боевых действий, а в изменении принципов управления войсками и оружием в обычном оснащении. Следовательно, говорить о «сетевидной» войне как о новой парадигме вооруженной борьбы с точки зрения военной науки недостаточно корректно. В то же время она заслуживает самого пристального внимания и изучения специалистами именно как новый способ организации управления войсками и оружием, как реальный инструмент повышения боевых возможностей разнородных сил и средств за счет синергетического эффекта.

щих сил и средств поражения, которые, собственно, и выполняют боевую задачу в физическом пространстве.

Доступ к развединформации и информации о состоянии сил и средств поражения осуществляется органами управления соответствующего ранга децентрализованно в рамках их полномочий в иерархии вооруженных сил.

В случае если обнаруженную в зоне ответственности цель не-

Концепция «сетевцентрической» войны: русский взгляд

*Смотрите на мир без
очков и шор,
Глазами жадными цапайте
Все то, что у вашей
земли хорошо
И что хорошо на Западе.*

В.В. Маяковский

Система управления войсками и оружием по своей сути — это производная от их состава и структуры. А состав и структура любой организации определяет стратегия ее действий при достижении поставленных целей. В свою очередь выбор стратегии применения вооруженных сил определяется возможными военными угрозами и военными опасностями для государства, что закрепляется в соответствующих руководящих документах, в том числе и в военной доктрине [14, 15].

Так, для ВС РФ основной стратегической задачей в военное время является «отражение агрессии против Российской Федерации и ее союзников, нанесение поражения войскам (силам) агрессора, принуждение его к прекращению военных действий на условиях, отвечающих интересам Российской Федерации и ее союзников» [14]. Поэтому, прежде чем рассматривать возможность реализации в Вооруженных Силах Российской Федерации концепции «сетевцентрической» войны, необходимо понять характер и масштабы военных опасностей и угроз для нашей страны в первой четверти XXI в., оценить вероятность и масштабы возможной агрессии.

Основной характер угроз для России определяется ее географическим положением и наличием всего спектра природных ресурсов.

Так, на западе и частично на ее южных рубежах (после оккупа-

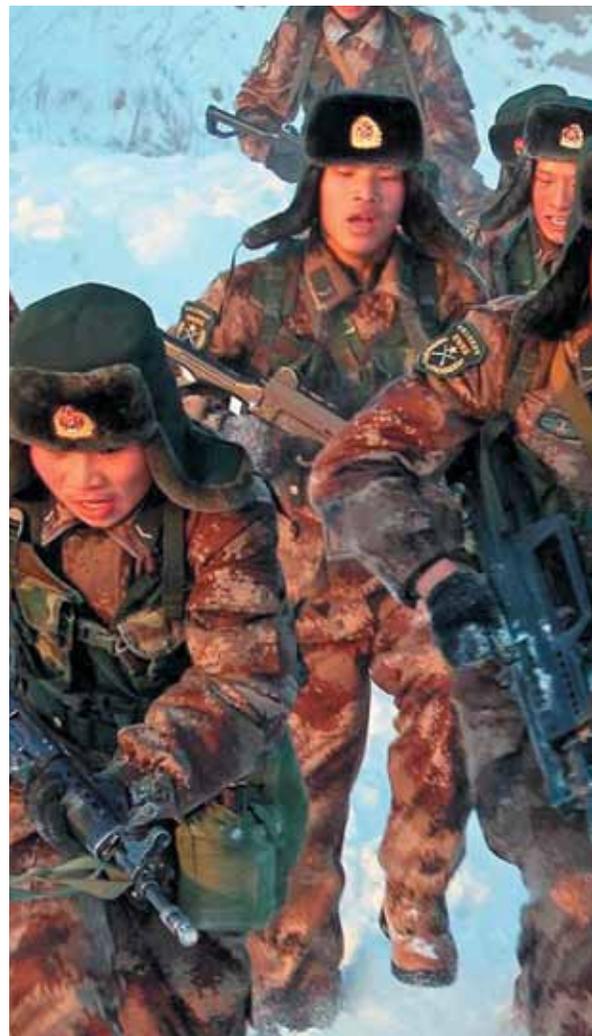
ции армией США Ирака, ввода войск НАТО во главе с США в Афганистан, создания американской авиабазы в Киргизии) России противостоят самые современные вооруженные силы — армии США и других стран — членов НАТО, активно реализующие у себя положения концепции «сетевцентрической» войны.

Дополнительную угрозу на юге России создают исламистские группировки Северного Кавказа, на религиозной почве ведущие «мятежную» в основном с использованием стрелкового оружия и диверсионно-террористических методов. Ситуация на южном направлении может обостриться в случае радикализации исламских режимов в ряде стран Ближнего и Среднего Востока, мечтающих о возрождении Второго Халифата. Военная угроза в этом случае может стать для России значительной, так как, например, Турция и Иран имеют довольно мощные вооруженные силы, а страны Арабского мира и Пакистан являются постоянными крупными покупателями на рынке современного оружия.

На Дальнем Востоке военная опасность для России начинает исходить от Китая, так как стремительный рост экономической и как прямое следствие военной мощи Поднебесной означает, что необходимые ей природные богатства и территории она не прочь взять силой, о чем в Пекине заговорили уже практически открыто на достаточно высоком уровне [16]. И дело не в какой-то особой агрессивности Китая, а в том, что экспансия для него — вопрос выживания его экстенсивной модели экономики. Как говорят сами китайцы: «Тигр ест людей не потому, что он злой, а потому, что голоден». Что касается вектора экспансии Китая, то после потери позиций в Африке и на Среднем Востоке у Поднебесной остается одно направление — Север, то есть Сибирь и Дальний Восток [17]. Тем более что подобный сценарий

развития событий уже прописан в китайской доктрине «три севера, четыре моря», принятой Военным советом ЦК КПК еще в 1993 г.

Возрастанием китайской военной мощи озабочены не только в России. Сами основоположники концепции «сетевцентрической» войны также пристально и довольно ревностно следят за инициативами своих зарубежных коллег и оппонентов. Например, еще в 2006 г. американские эксперты указывали, что реализация «сетевцентрической» концепции в Китае вызывает у них серьезную озабоченность. «Не важно, как скопируют и адаптируют под свои нужды в Китае наш бренд „сетевцентрическая война“, важно, что они в разы повысят инвестиции в разработку перспективных

средств разведки и высокоточного оружия», — отмечают в США. «Итогом однозначно станет технологический прорыв, который обеспечит китайцам необходимый уровень ситуационной обстановки на поле боя. Иначе говоря, американские группировки будут вскрыты, а это (при наличии необходимых средств высокоточного оружия дальнего действия) равносильно их поражению» [2].

Что в складывающейся ситуации может предпринять Россия?

Когда-то давным-давно китайским полководцем Сунь-Цзы было сформулировано «правило ведения войны», которое заключается в том, чтобы «не полагаться на то, что противник не придет,

а полагаться на то, с чем можно его встретить; не полагаться на то, что он не нападет, а полагаться на то, чтобы сделать нападение на себя невозможным для него».

На наш взгляд, чтобы «разрушить замыслы противника» о нападении, наиболее приемлемым вариантом развития страны должна стать не банальная гонка за мировыми лидерами («модернизация») в надежде «догнать и перегнать», а исполнение новой геополитической роли, которая и станет локомотивом развития всей российской экономики, а также сделает Россию той самой «несотрудничающей целью» и тем самым нарушит цикл НОРД ее геополитических соперников.

В частности, теория борьбы условных информационных определяет в качестве одного из базовых состояний геополитическую ситуацию как «объединение слабых вокруг сильного». Применительно к рассматриваемому вопросу это может быть объединение сырьевых стран вокруг России или предоставление ряду стран, опасющихся за сохранение своей идентичности и независимости, «ядерного зонтика» для защиты от угрозы агрессии.

Для развитых же стран, в первую очередь США, такое развитие событий — крах всего выстраиваемого ими миропорядка. По нашему мнению, недопущение обретения Россией новой геополитической роли — это концептуальная основа всей международной политики Западного мира в отношении РФ и ее союзников на протяжении последних двадцати лет.

На наш взгляд, руководство страны понимает необходимость смены геополитической роли. Свидетельство тому — предложение о создании Таможенного союза и Единого экономического пространства с перспективой выхода на следующий, более высокий уровень интеграции — фор-

мирование Евразийского экономического союза. «Мы предлагаем модель мощного наднационального объединения, способного стать одним из полюсов современного мира и при этом играть роль эффективной «связки» между Европой и динамичным Азиатско-Тихоокеанским регионом... Евразийский союз — это открытый проект. Мы приветствуем присоединение к нему других партнеров, и прежде всего стран Содружества», — написал в своей статье, опубликованной в газете «Известия», В.В. Путин [18].

После потери позиций в Африке и на Среднем Востоке у Поднебесной остается одно направление — Север, то есть Сибирь и Дальний Восток.

Именно исходя из заявленной новой роли необходимо формировать «новый облик» российской армии, вести строительство Вооруженных Сил Российской Федерации, модернизировать и развивать оборонно-промышленный комплекс, совершенствовать военное образование и науку.

При этом в ходе строительства «армии нового типа» следует использовать не просто новые концепции и взгляды, а решения, наиболее подходящие к российским реалиям и технологическому укладу. Нельзя снова наступить на старые грабли и попасть в ментальную ловушку «гонки вооружений» по типу соперничества СССР и США во второй половине XX в., когда на каждую новую американскую систему вооружения мы тут же отвечали аналогичной советской, порой не задумываясь о ее целесообразности и боевой эффективности. Россия не должна разделить печальной участи СССР.

Поэтому, оценивая возможность реализации концепции «сетевой войны» применительно к системе управления Во-

оруженных Сил Российской Федерации, необходимо помимо широко разрекламированных преимуществ «сетевидного» способа управления войсками и оружием остановиться и на его недостатках, а также связанных с его реализацией проблемах, ибо «сетевидность» нельзя рассматривать как панацею для решения всех проблем вооруженных сил на современном этапе.

В частности, следует принимать во внимание, что все до сих пор проводимые США и НАТО боевые операции с использованием концепции «сетевидной»

Россия не должна разделить печальной участи СССР.

войны осуществлялись против заведомо слабого противника, не имеющего на вооружении современных средств разведки, в первую очередь спутниковых, мощных средств поражения, в том числе ВТО большой дальности, а также современных средств автоматизации управления и связи. Так, по мнению президента Академии Военных наук России Махмута Гареева: «С точки зрения развития военного искусства опыт войны в Ираке не позволяет сделать какие-либо далеко идущие выводы, поскольку серьезной войны с сильным противником не было. Была расправа политически изощренного и технологически мощного государства над заведомо ослабленной во всех отношениях страной».

По мнению российских специалистов, практическая реализация концепции «сетевидной» войны невозможна без создания трех ключевых компонентов [5].

1. Сверхнадежной коммуникационной среды, обеспечивающей эффективное функционирование на ее основе компьютерных сетей вооруженных формирований

и их объединение в глобальную информационную сеть вооруженных сил.

2. Распределенной в пространстве группировки управляемых, достаточно информативных, надежных, долговечных и малозаметных для противника сенсоров, комплексированных в компьютерные сети вооруженных формирований.

3. Распределенной программной среды, обеспечивающей в жестком реальном времени комплексную многоуровневую интеллектуальную обработку потоков малоинформативных в отдельности (а зачастую еще и противоречивых) первичных сведений о проявлениях объектов, а также позволяющей при необходимости оперативно изменять логику этой обработки по мере изменения состава и возможностей сенсоров, получения новых знаний о контролируемой группировке и т.п.

При этом наиболее проблематичным вопросом практического воплощения этой концепции является именно создание упомянутой распределенной программной среды. До тех пор, пока такой среды не будет, говорить о полноценной реализации «сетевидности» заведомо преждевременно.

В Соединенных Штатах много спорят о положительных и отрицательных сторонах концепции «сетевидной» войны. Одни авторы находят «семь смертных грехов сетевой войны», другие же развенчивают «одиннадцать мифов о „сетевидной“ войне» [3, 9].

Одним из главных препятствий на пути создания систем «сетевидного» управления вооруженными силами на современном этапе, в том числе и в армии США, остается крайняя разнородность аппаратных и системных платформ, глобально рас-

пределенных данных, программ, процессов их обработки и представления, а также систем связи и управления, что не позволяет организовать межсистемный информационный обмен в реальном масштабе времени и тем самым создать то единое информационное пространство, о котором так много говорится и пишется.

Анализ боевых действий, которые вели США в течение последних 15 лет, показывает, что концепция «сетевидной» войны хороша в военных конфликтах малой и средней интенсивности, когда действия ведут сильный и слабый партнеры. При этом тыл сильного партнера, в отличие от тыла слабого, не подвергается никаким разрушающим воздействиям, а средства разведки, системам связи и управления не оказывается никакого серьезного противодействия. Хороша данная концепция и для блицкрига, типа того, что «случился» при вторжении США в Ирак в 2003 г. [6, 11, 12]. Не зря говорится, что «американцы выиграли много битв, но не выиграли ни одной войны».

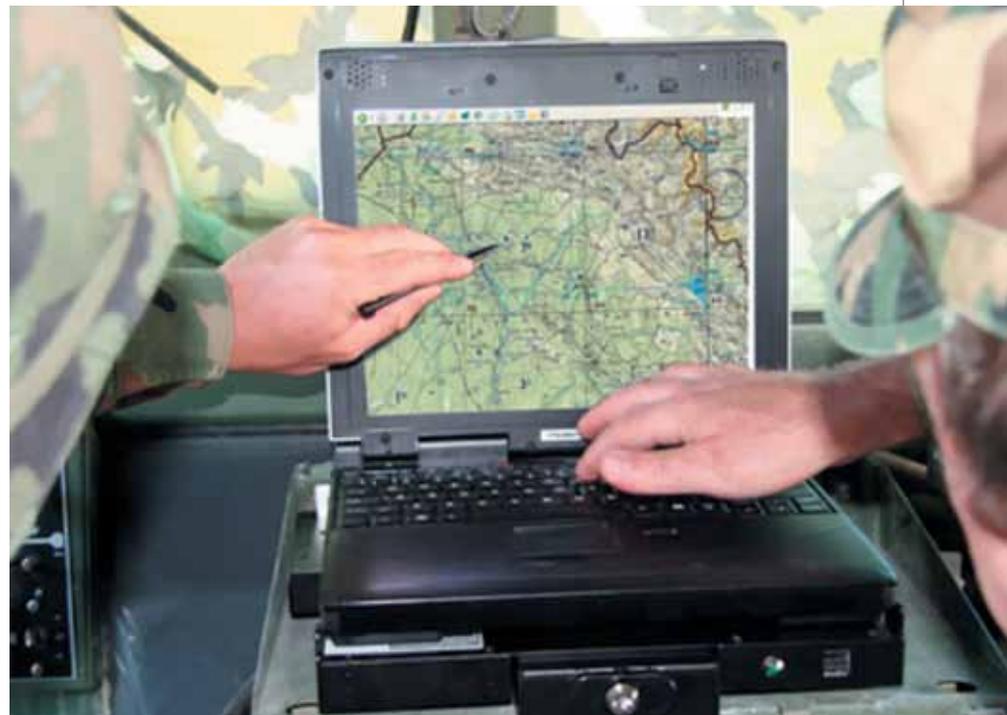

Невольно приходится согласиться со словами отставного американского генерала Роберта Скейлза: «Идея „сетевидной“ войны, подразумевающая, что „туман войны“ будет рассеян за счет работы созданного в небесах гигантского технологического всевидящего ока стратегического значения, на поверку оказалась провалом, обошедшимся бюджету в сотни миллиардов потраченных зря долларов» [4].

Подобные оценки со стороны представителей Пентагона значимы еще и потому, что к началу реализации концепции «сетевидной» войны в начале XXI в. система управления ВС США с середины 80-х годов XX в. прошла довольно длительный эволюционный путь от системы вида C^2 (Command and Control) — командования и оперативного управления — через систему вида C^4ISR (Command, Control, Intelligence, Surveillance and Reconnaissance) — командования, оперативного управления, связи, компьютеризации, разведки, наблюдения и распо-

навания — к системе JC^2 (Joint Command and Control) — объединенной системе командования и оперативного управления, идущей на смену Глобальной системе оперативного управления ВС США — GCCS [9].

Что же говорить о системе управления ВС РФ, когда наиболее современную на настоящее время единую систему управления тактического звена (ЕСУ ТЗ) зарубежные специалисты по уровню интеграции оценивают не иначе как C^2 -систему [4], то есть систе-

му командования и оперативно-го управления (без всяких увязок с системами поддержки принятия решений, моделирования боевых действий, разведки и предупреждения), с которой свой путь к «сетевидности» с конца XX в. начала армия США?

Тем не менее в когнитивный и аффективный компонент российской целевой аудитории восприятия (куда входят и основные базовые элементы системы принятия военно-политических решений) активно вводится положение о том, что будущие

войны будут, как правило, «сетевидными», «дистанционными» и «бесконтактными» с использованием в основном неядерных высокоточных средств поражения. И если такой взгляд на войны будущего у нас превратится в поведенческий архетип, то, разумеется, так оно, скорее всего, и будет. Мы будем *готовиться* к войне, в которой у нас, очевидно, на краткосрочную и среднесрочную перспективу просто *нет шансов на победу* (так называемое запрограммированное поражение) [19].

Но если мы зададимся вопросом: «А, собственно, почему война в будущем должна быть именно такой?» и в качестве «асимметричного ответа» любому агрессору будем *готовить контактную войну* с применением всего арсенала средств направленного воздействия, которым мы можем обладать, то и характер такой будущей войны будет уже другой и ее финал будет заранее непредсказуем!

Поэтому, как себя поведет концепция «сетевидной» войны при столкновении силь-

ных армий, имеющих богатый исторический опыт крупных войн и кровопролитных сражений, неведомо, ведь еще Р. Киплинг, большой знаток военного дела, в своей знаменитой «Балладе о Востоке и Западе» тонко уловил особенность борьбы равных по силе соперников:

*«Но нет Востока, и Запада нет;
что племя, родина, род,
Если сильный с сильным лицом
к лицу у края земли встает?»*

В этом случае отступают в сторону все национальные и социально-экономические особенности «воевания» и начинают действовать объективные законы войны [20].

При подготовке кадров для будущей российской армии необходимо широкое практическое обучение работе с современными аппаратными и программными средствами, ориентированными на «сетцентризм».

При этом каждая из противоборствующих сторон будет использовать наиболее подходящие с ее точки зрения вооружение и военную технику, вплоть до неконвенционного.

Что касается непосредственно российской армии, то, «примеривая» на свои вооруженные силы иноземный кафтан «сетцентрической» войны, необходимо учитывать действующие положения руководящих документов в области обороны и безопасности, в первую очередь Военную доктрину Российской Федерации, внешнеполитический курс страны, проводимый ее руководством. Следует иметь в виду, что «задачи вооруженных сил США и нашей армии радикально не совпадают. США и их союзники по НАТО на протяжении десятилетий ведут, как правило, наступательные военные действия за пределами своей территории, всегда обладают инициативой в развязывании войны, воюют со слабым противником. Поэтому их опыт нетипичен для нас. Нам, прежде всего, надо обе-

спечить защиту своей территории и поэтому в начале войны придется вести оборонительные действия против более сильного, принципиально разного на каждом ТВД противника» [21].

Исходя из этого, с целью появления возможностей и предпосылок реализации «сетцентрической» концепции необходимо решать комплексную задачу не только в рамках Вооруженных Сил РФ, но и страны в целом. Для этого должна быть разработана специальная экономическая стратегия (по типу «атомного» проекта или программы освоения космоса), в которой будут предусмотрены и поиск новых технологиче-

ских решений с привлечением организаций РАН, и перевод оборонно-промышленного комплекса на инновационный путь развития, и подготовка квалифицированных рабочих и инженерных кадров для ОПК.

В рамках Вооруженных Сил РФ целесообразно активизировать работы по созданию действительно объединенных органов управления, разработке современных алгоритмов их работы при решении различных боевых задач, формированию перечня систем и средств, которые планируется связать в сети на разных уровнях управления с обоснованием того, почему и, самое главное, для чего это нужно. Необходимо привлечь специалистов Академии военных наук, структурных подразделений военно-учебных заведений и научно-исследовательских организаций Минобороны к разработке новых форм и способов применения группировок войск в различных условиях, уточнению боевых документов, уставов и наставлений, отработке в ходе учений

и тренировок полученных наработок. Необходимо также более активно внедрять информационные технологии в повседневную деятельность российской армии.

И самое главное, при подготовке кадров для будущей российской армии необходимо широкое практическое обучение личного состава, авиации и флота работе с современными аппаратными и программными средствами, ориентированными на «сетцентризм». Последний фактор применительно к переходу армии на новые способы и методы руководства войсками является немаловажным, ибо, как остроумно заметил английский военный историк Б. Лиддел-Гарт: «Единственная вещь, которая еще сложнее, чем привить новую идею уму военного, — это вытравить старую идею».

В заключение хочется подчеркнуть следующее.

Как теоретическая конструкция концепция «сетевидной» войны еще довольно далека от практики и природы войны. Сами авторы концепции «сетевидной» войны отмечают, что она «не является революцией в военном деле, которая изменяет саму сущность войны, скорее это множитель силы, который мог бы позволить государственному военному аппарату бороться эффективнее при условии, что военная доктрина и вооруженные силы выстроены в соответствии с оценкой угрозы» [3].

Пока что этот «множитель силы» остается слишком эфемерным, но очень затратным. Тем не менее «сетевидность» как таковой предполагает изменение представлений военного руководства всех уровней об управлении подчиненными формированиями в различных условиях; создание унифицированных АСУ войсками и оружи-

ем, функционирующих в едином информационном пространстве; разработку современных технических средств наблюдения и разведки, которые и будут наполнять информацией телекоммуникационные сети систем управления; разработку и принятие на вооружение в достаточном количестве высокоточного оружия, которому такая информация собственно и нужна, а также боевых платформ для размещения средств поражения живой силы и техники на земле, море, в воздухе и космосе.

Только в этом случае концепция «сетевидной» войны не станет для российских Вооруженных Сил очередной ментальной ловушкой, а действительно превратится в «множитель силы». И в этом, на наш взгляд, ее главная заслуга.

ПЭС 13062/18.02.2013

Литература

1. Слипченко В.И. Войны нового поколения: дистанционные и бесконтактные. М.: ОЛМА-ПРЕСС образование, 2004.
2. Сетевидная война. Дайджест по материалам открытых изданий и СМИ. М.: ВАГШ ВС РФ, 2010.
3. Савин Л.В. Сетевидная и сетевая война. Введение в концепцию. М.: Евразийское движение, 2011. 130 с.
4. Кондратьев А. Сетевидный фронт. Боевые действия в едином информационном пространстве // Национальная оборона. 2011. № 2.
5. Шеремет И.А. Концепция «сетевидной войны» и особенности ее практической реализации // НВО. 2005 (11 ноября). http://nvo.ng.ru/concepts/2005-11-11/4_computers.html.
6. Информационные, специальные, воздушно-десантные и аэромобильные операции армий ведущих зарубежных государств: Информационно-аналитический сборник / А.Н. Сидорин, И.А. Рябченко, В.П. Герасимов и др. М.: Воениздат, 2011.
7. Затуливетер Ю., Семенов С. Ориентир — достаточная оборо-
- на. Помимо ядерного зонтика Россия может обезопасить себя мерами сетевидного противодействия // Национальная оборона. 2012. № 11.
8. Корчмит-Матюшов В.И. Теория войн. М.: БФРГТЗ «Слово», 2001.
9. Паршин С.А., Горбачев Ю.Е., Кожанов Ю.А. Современные тенденции развития теории и практики управления в вооруженных силах США. М.: ЛЕНАНД, 2009. 272 с.
10. Требин М.П. Войны XXI века. М.: АСТ, 2005.
11. Барышев А.П. Современная стратегия США и НАТО (в контексте проблем национальной безопасности России). М.: ОГИ, 2011.
12. Карякин В.В. Военная политика и стратегия США в геополитической динамике современного мира: монография. М.: Граница, 2011.
13. Ивлев А.А. Основы теории Бойда. Направления развития, применения и реализации. М., 2008. 64 с.
14. Военная доктрина Российской Федерации. Утверждена Указом Президента РФ 5 февраля 2010 г.
15. Национальная военная стратегия Соединенных Штатов Америки — 2011. Перевод. М., 2011.
16. Галенович Ю.М. Китайские сюжеты: чем доволен и недоволен Китай. М.: Восточная книга, 2010.
17. Храмухин А.А. Удар по России: миф или реальность? // Национальная оборона. 2011. № 5.
18. Путин В.В. Новый интеграционный проект для Евразии — будущее, которое рождается сегодня // Известия. 2011 (4 октября).
19. Ковалев В.И. Проблема управления процессами модернизации в военной сфере в условиях неопределенности представлений о военных конфликтах будущего // Информационные войны. 2012. № 4 (24).
20. Тюшкевич С.А. Законы войны: сущность, механизм действия, факторы использования. М.: Книга и бизнес, 2002. 360 с.
21. Рукшин А.С. Некоторые итоги реформы Вооруженных Сил // Военно-промышленный курьер. 2012 (14 ноября). № 45 (462).